

Особенно сильно дралась Райка, она могла одна устроить нам нехилую взбучку. Но тем не менее, втроем мы побеждали их. Однажды зимой Володя Худобкин в школу не пошел, я с Шуркой остался вдвоем.

Шурка был боец никудышный, он болел, поэтому девчонки его не трогали, а всей кодлой (ватагой) наваливались на меня.

Возглавляла девичье войско моя двоюродная сестра Нина. Меня толпой сбили с ног, втоптали в снег так, что я чуть не задохнулся. Вскоре я выбрался из снега и убежал от молодых хищниц. Они долго меня гоняли по снегу, больше всех за мной бегала Нина. Домой я шел один, мокрый, позади остальной группы, ушедшей вперед. Дома от родителей получил взбучку, что пальто, шапка и брюки были пропитаны водой, хотя была зима.

Родители постоянно заставляли меня работать по дому. Когда мне было меньше семи лет, я смотрел за братиком Вовой, (который был на три года моложе меня), поросенком и теленком.

Напротив нашего дома бросались камнями соседские ребята – Фоня (Афанасий) и Коля – дети дядьки Панаса и тетки Веры. Я уберегал Вову от камней, обходя драчунов, но поросенок или теленок часто от меня удирали в жито, которое росло рядом с домом. Зайду в жито, а стебли выше меня, ничего не видно, вверху сверкает только кусок синего неба. Не могу найти из жита дорогу домой, плачу от горя и страха. Наконец выхожу из жита, по звукам нахожу дорогу назад и возвращаюсь домой. Когда стал старше, то летом с Вовой пололи от сорняка грядки и картошку. Нам с братиком Вовой достался тяжелый детский труд. Совсем другая жизнь была у Коли и Петьки, они много гуляли, гоняли мяч, бегали по улице.

Я с Володей свободу получал редко, за коровой нас отпускали только тогда, если мы хорошо работали днем на огороде. Как-то мама нас отпустила на полчаса погулять. Мы побежали в деревню, повстречались с ребятами и пошли в лес, в сторону Гусарки. Там старшие ребята нашли гнездо, в котором сидели крупные воронята. Достали этих птичек из гнезда, кто-то сбегал домой за котелком, вскоре налили в него из ручья воду и поставили котелок с воронятами на костер. Наконец воронята сварились, мы их посолили и с удовольствием на природе съели. Чувствуем, что прошло уже несколько часов. Ноги домой не идут, но идти надо. Приходим домой, видим – мать стоит злая и расстроенная из-за нашей гулянки. Она стала нас ругать, но, будучи очень уставшей, быстро оставила нас в покое. Пронесло!

Нас часто отец и мать наказывали за всякие провинности, порой пустяковые. Мне было лет десять-одиннадцать. Пошел я как-то в гости к тете Ганне. Она была на работе, а её дочери, Нина и Валя, были дома вместе со своими подругами Райей и Ариной. Тетя выращивала в то время самосад на продажу мужчинам – 1 стакан резаного табака 1 рубль. В Гусарке в магазине принимали одно яйцо по 45 копеек, а в магазине были сигареты или папиросы «Бокс», «Север» (соответственно 50 копеек и 1 рубль 20 копеек). «Беломор» за 2 рубля 20 копеек считался тогда шиком. Мы покупали дешевые папиросы и пробовали их курить. Курили и лишайники деревьев, но они горели плохо. Когда отец узнал, что мы начинаем курить, то он сильно отругал нас.

После этого я бросил курить, а Володя не мог. Отец постоянно воспитывал Володю за курение, но ничего не помогало. Так он и прокурил, к сожалению, всю свою жизнь.